

ске. Либералы искренне рассчитывали на то, что с этого времени начинается период мирного эволюционного парламентского развития страны. Представители технической интеллигенции рассчитывали на то, что новый законодательный орган обратит особое внимание на модернизацию экономики страны, что при принятии решений будет учитываться мнение профессионалов. Но далеко не все эти надежды на практике были воплощены в жизнь.

Русская техническая интеллигенция, в большинстве своем весьма положительно воспринявшая перемены, оказалась не готова пойти на серьезный конфликт с властью, особенно в условиях спада революции. Этому в значительной степени способствовала ее профессиональная загруженность, наличие устойчивого материального положения и достаточно высокий социальный статус.

Спад революции заставил искать решение проблем страны в стенах Государственной Думы Российской империи. Кроме политических вопросов там активно обсуждались и экономические. Опыт войн второй половины XIX века убедительно доказал, что достичь победы без хорошо развитой промышленности практически невозможно. Еще больше это показала начавшаяся в 1914 году Первая мировая война.

В условиях Первой мировой войны роль техники и технической интеллигенции возросла многократно. Для ведения боевых действий требовалось все больше оружия и боеприпасов. Но с этим были очень большие проблемы. Как заявлял депутат Владимир Милютин: «мы не можем сами изготавливать для поддержания промышленной и хозяйственной жизни страны хотя бы в прежнем размере ни в достаточном количестве товаров, ни орудий производства, ни средств для передвижения, – за отсутствием достаточной добычи топлива, металлов, соответствующих фабрик, заводов, специальных станков и инструментов, знающих техников и рабочих» [6].

Хорошо развитая промышленность, сельское хозяйство и единство общества – вот основные факторы стабильности государства. Российская техническая интеллигенция в начале XX века была больше озабочена политическими изменениями, а не вопросами промышленно-экономического развития страны. Это стало одной из причин, которые способствовали революции 1917 года.

Источники и литература

1. Из истории Ленинградского политехнического института. Л., 1975. – 48 с.
2. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М., 1981. – 287 с.
3. Известия общества гражданских инженеров. 1905. № 1 – 2.
4. Дробркина Ф.И. Моя работа в боевой организации при ЦК РСДРП // Молодежи о первой русской революции. Под редакцией Панкратовой А.М.М., 1955. – 294 с.
5. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. – 374 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 975, Оп. 1, Д. 8628, Л. 134.

НАСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1917 Г.

И.В. Купцова

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Революционные события 1917 г. принесли изменения не только в художественную культуру, но и в повседневную жизнь художественной интеллигенции, оказали влияние на ее менталитет, стереотипы представлений, психические реакции.

Непосредственно революционные события февраля 1917 г. художественная интеллигенция встретила с тревогой, а ее победу – с воодушевлением. А.А. Блок писал: «Все происшедшее меня радует. Произошло то, чего еще никто оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала» [12, с. 387]. В.Я. Брюсов в письме к А.М. Горькому отмечал: «Не начинаю письмо поздравлениями, потому что это само собой разумеется. Искренне кажется порой, что все это сон, магическое наваждение. Все мы ждали и верили» [20, с. 115].

Одной из причин такого отношения была непопулярность императорской власти в среде интеллигенции. Вяч. Иванов отмечал: «Падение царской власти закономерно и необходимо, ибо ветхое самодержавие давно превратилось в династическую диктатуру» [7, с. 179]. Многие увидели в революции возможность политического обновления России. Можно говорить о том, что принятие революции художественной интеллигенцией было на эмоциональном уровне. В своем большинстве она выступила как свидетель революции, а не как ее активный участник.

Несмотря на воодушевление и энтузиазм по поводу свершившегося многие представители художественной интеллигенции отмечали тревожные настроения. У одних они были связаны с опасением стремительности происходящих событий. Так, З.Н. Гиппиус отмечала: «Грозная, страшная сказка... И какая невиданная, молниеносная революция» [4, с. 458].

Тревогу вызывала продолжавшаяся война. Несмотря на усталость и непопулярность войны в среде художественной интеллигенции большинство ее представителей выступало за ее продолжение, с победой связывали утверждение завоеваний революции. В статье «Родина в опасности» В.Г. Короленко писал: «Сейчас защита родины вдвойне нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью.... Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца, а заслужить можно одним – последним усилием для отражения противника, работа на фронте и в тылу, на всяком месте для отражения опасности, до конца великой войны...» [8].

Часть деятелей литературы и искусства под руководством А.М. Горького высказывали озабоченность сохранности культурных ценностей. Они выступили инициаторами создания особого органа власти, который бы занимался этими вопросами. Такой орган был учрежден Временным правительством – Особое совещание по делам искусств, в его состав вошли А.М. Горький (председатель), А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих (товарищи председателя), М.В. Добужинский, З.И. Гржебин (секретари), В.А. Аргутинский – Долгоруков, И.Я. Билибин, В.Г. Каратыгин, А.В. Карташев, Н.Е. Лансере, Г.К. Лукомский, П.М. Макаров, Е.И. Нарбут, П.А. Неклюдов, К.С. Петров – Водкин, А.Н. Тихонов, Ф.И. Шаляпин, И.А. Фомин, Н.Д. Соколов, В.А. Шуко, М.П. Неведомский (Миклашевский), С.В. Завадский, В.Ф. Нувель [9, с. 171-172]. Особое совещание включало комиссии: музеев и охраны памятников, строительную, государственных торжеств и художественной пропаганды, государственных заводов художественного порядка и государственного художественного издательства, музыкальную, театральную, художественного образования и комиссию, составляющую законопроект о будущем ведомстве изящных искусств. За время своего существования (до конца апреля 1917 г.) силами Особого совещания была проделана огромная практическая работа по сохранению культурного наследия.

У части художественной интеллигенции тревоги были связаны с нестабильностью материального положения. Артист Р.Б. Аполлонский вспоминал: «Помимо общей тревоги, проступала еще очень мучительная мысль о чисто материальном вопросе, о дальнейших средствах к жизни. Думаю, что всякий из нас, в большей

или в меньшей степени, пережил те же мучительные часы. Потому что за спиной каждого стоят близкие сердцу, за которых он в ответе» [18, с.7]. М.М. Пришвин писал: «Было похоже на кораблекрушение, после которого мы попали на землю необитаемую и стали придумывать средства жизни на этой новой земле» [14, с. 81].

Летом 1917 г. тревожные настроения усилились. Многие представители художественной интеллигенции с особой остротой поднимали вопрос об отношениях интеллигенции и народа. М.М. Пришвин записал в дневнике: «Трагические дни июня – июля разрушили одну из самых стойких иллюзий русской интеллигенции – легенду о «святой Руси», о народе – богоносце... Русская интеллигенция уже прошла путь от веры к безверию, от надежд к безнадежности, от чувства единения со своим народом до чувства отчуждения, чуть ли не ненависти к народу, обманувшему ее ожидания, представшему во всем «циничном безобразии» [19, с. 35-36]. В.Г. Короленко считал, что «народ – толпа, народ не развит политически, его мнения детски неустойчивы и изменчивы. Пока эти политические мнения нельзя уважать» [15]. Близкие идеи высказывал А.М. Горький, который считал, что Россия не готова к решительным социальным изменениям. Прежде, чем осуществлять социальную революцию, «народ должен много трудиться, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства. Этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры» [16, с.656]. То есть опасения вызывал низкий культурный уровень народа, его неготовность к социальным преобразованиям. Только культура, по мнению А.М. Горького, могла спасти страну от гибели, а роль интеллигенции – культурное строительство.

Поводом для тревоги в летние месяцы были сообщения о грабежах и разгромах музеев, неконтролируемой распродаже произведений искусства [10, с. 173]. Характеризуя поведение интеллигенции летом 1917 г. О.Н. Знаменский замечал ослабление политической активности, бегство от действительности [6, с. 243-244].

Осенью настроение художественной интеллигенции делалось все более тревожным. Безнадежная военная ситуация, грозное положение продовольственного вопроса, полная неуправляемость страной – все это не могло не дать людям почувствовать: «гроза еще впереди» [10, с. 176]. К.А. Сомов вспоминал: «Живется нам тяжело и не от голоду и лишений каких-нибудь пока, а от постоянного нервного состояния за ближайшее будущее, которое рисуется воображению очень мрачным. Все время у нас говорят о голоде и об эвакуации, и в связи с ней приходится думать, куда ехать» [19, с. 40]. К власти доверия не было. В этой тревожной обстановке все чаще звучали предчувствия новых потрясений. С.Н. Василенко писал: «Политическая атмосфера делалась все сгущеннее. Чувствовалось приближение грозы, и ее ждали с нетерпением, без боязни. Слишком прогнул весь наш государственный строй, слишком накалилась атмосфера, чтобы ожидать легкого разрешения событий. Мы, мирные обыватели, не знали еще, куда повернет колесо истории, но ясно чувствовали, что находимся накануне величайших мировых событий» [3, с. 358]. В.Г. Короленко отмечал: «Я мало пишу и мало участвую в борьбе, потому что пришел в отчаяние и решил только смотреть на неизбежное крушение» [13, с. 30].

По образному выражению Е.Г. Лундберга: «Октябрь упал, как раскаленный болид, и прошел по вертикали от поверхности до дна... Разделила, жестоко разделила русских людей Октябрьская революция» [11, с. 293]. Равнодушных к этому событию не было и не могло быть, особенно в среде интеллигенции.

У многих деятелей литературы и искусства тревогу вызывала сама революция, в огне разрушений которой могли погибнуть художественные ценности. Си-

лами этой группы интеллигенции был создан ряд комиссий: комиссия по охране и учету музейных ценностей, комиссия по охране памятников искусства и старины, художественно-историческая комиссия и др. Основной задачей всех их было не допустить разграбления и уничтожения богатейшего культурного фонда, которым обладала Россия. Один из энтузиастов этого начинания И.Э. Грабарь писал: «Думаю, что в настоящий момент это самое нужное и важное дело. Я не очень люблю говорить с народной аудиторией, но что делать, это абсолютно необходимо, чтобы сохранить хоть что-нибудь из нашего культурного наследия. При помощи кооперативных ячеек на местах я думаю создать целую сеть охранно-культурных гнезд» [5, с. 18].

У части деятелей литературы и искусства причиной тревоги была не революция вообще, а приход большевиков к власти. Восторженно приняв Февральскую революцию, многие представители художественной интеллигенции посчитали Октябрь контрреволюцией, изменой. «Большевизм, – утверждал В.Г. Короленко, – это последняя страница революции, отрешившейся от государственности, признающей верховенство классового интереса над высшими началами справедливости, человечности, права. С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода» [13, с. 133], И.А. Бунин отмечал: «Русская революция – конец истории России, ее культуры, веками установленных традиций, ее духовного облика» [2, с. 9]. Многие опасались подавления личности, индивидуальности («Большевики – разрушительное начало, подавляющее личность», – сделал вывод К.Д. Бальмонт [17, с. 152]), отказа от ценности свободы (основная ошибка большевиков, по мнению В.Г. Короленко, состояла в том, что «это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда – огромная ошибка – классовая диктатура» [13, с. 111].

Вызывали тревогу хамство, насилие, непрекращающиеся беспорядки, самосуды, вседозволенность, которые стали неотъемлемыми атрибутами революционной действительности. «К числу благодетелей революции нельзя отнести, конечно, ни разращение нашего войска, ни ежедневную низость самосуда, ни предательство и дезертирство, ни разгром нашей промышленности, ни полный развал народного хозяйства, ни бесстыдную корысть отдельных разрядов населения, ни надменную наглость в общении человека с человеком, ни беззастенчивое разгильдяйство и лентяйничанье, ни лживость, которая овладела всеми», – считал К.Д. Бальмонт [1, с. 34].

Таким образом, настроения художественной интеллигенции в течение всего 1917 года были сопряжены с постоянной тревогой. Оттенки тревожности в разное время, у разных людей не совпадали. Проживание революции было процессом индивидуальным, зависящим от внешних и внутренних факторов. Поводы для тревоги были связаны как с текущими событиями, так и с опасениями за будущее.

Источники и литература

1. Бальмонт К.Д. Революционер я или нет. М.: Верфь, 1918.
2. Борис Михайлович Кустодиев: письма, статьи, заметки. Л.: Художник РСФСР, 1967.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991.
4. Василенко С.Н. Страницы воспоминаний. М., 1948.
5. Гиппиус З.Н. Дневники. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1.
6. Грабарь И.Э. Письма, 1917 – 1941 гг. М.: Наука, 1977.
7. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.)/ О.Н. Знаменский. – Л.: Наука, 1988.

8. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1917.
9. Короленко В. Г. Родина в опасности // Биржевые ведомости. Утр. вып. 15 марта. № 35.
10. Купцова И.В. Художественная интеллигенция России в годы Первой мировой войны. М., 2007. С. 171-172.
11. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.
12. Лундберг Е.Г. Записки писателя. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. Т. 1.
13. Мочульский К.В. Александр Блок / К.В. Мочульский. – Париж, 1948.
14. Негретов П.И. В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917-1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. М., 1990.
15. Пришвин М.М. Дневники. М., 1990.
16. Русские ведомости. 1917. 17 мая. № 151.
17. Русские писатели, 1800 – 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 656.
18. Русские писатели. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 152.
19. Театральная газета. 1917. № 10 – 11. С. 7.
20. Чегодаева М.А. России черный год. М., 1991.
21. Шаповалов М.А. В. Брюсов / М.А. Шаповалов. – М.: Просвещение, 1992.

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ – «ВТОРАЯ ВОЛНА»: ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЕКЦИИ

Т.В. Котович

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Исследование посвящено сопоставлению идей Элвина Тоффлера («Третья волна») и художественной практики Казимира Малевича в Витебске. В 1913 году состоялся проект футуристической оперы «Победа над Солнцем» в предполагаемом театре «Будетлянин». Первое соположение – социальное. 1913 год это – самый канун Первой мировой войны и счастливый экономический год. 1913-й год воплотил в себе объективную социально-историческую ситуацию и субъективное ощущение художниками этой ситуации. Высшая точка взлета империи, по которой весь двадцатый век будут ориентировать экономические достижения советской страны, с одной стороны, и уже предчувствие срыва с этой точки, с другой. Предчувствие войны и ее предуготовление обозначило приближение всей социальной системы в точке бифуркации. Неравновесность и неустойчивость подвигали всю ее к зоне хаоса, и она была уже готова свергнуться в хаос, который будет длиться, как минимум, до середины 1920-х гг., или, как максимум, весь XX век.

Таким образом, проект «Победы над Солнцем» является художественным тестером, зеркалом, метафорой скачка всей социальной системы во «вторую волну». По мнению Э. Тоффлера, революция 1917 года «была направлена не на построение коммунизма, как это казалось, а <...> индустриализацию. Когда большевики стерли с лица земли последние, сохранявшиеся так долго остатки крепостничества и феодальной монархии, они отодвинули на задний план сельское хозяйство и совершенно преднамеренно стали ускорять развитие индустриализации. Они оказались партией Второй волны» [1, с. 56].

Технологический прорыв индустриальной цивилизации заключался в том, что она создала машины, которые, в отличие от механизмов первой (аграрной) волны, не просто усиливали мускульную силу, а становились все более самостоятельной силой, т.к. сами создавали новые машины. Массовое производство – мар-